

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 11 (4136)

Вторник, 26 января 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Наши современники

СИЛЫ НИКОЛАЯ
МАМАЯ

Микола УПЕНИК

ЗАКОНЧИЛАСЬ дневная смена. Помылись под горячим душем и переоделись. Николай Яковлевич Мамай заглянул в партком шахты. Это стало почти привычкой.

Мы приветствовали друг друга тепло, как старые знакомые. Сразу же напомнили нашу встречу в Киеве. Тогда я рассказывал, что недавно вернулся из поездки по Монгольской Народной Республике.

— В той далекой стране вас так же хорошо знают.
— Что вы? — смутился бригадир.
— В Монголии? Я ведь там никогда не бывал!

Я сказал, что горняки «Найахи-Калитальской» — большой новой шахты, построенной с помощью советских инженеров и рабочих, — сердечно говорили об украинском труженике.

— Монгольские шахтеры равняются на вас, Николай Яковлевич. Стоило им узнать, что я и мой товарищ — с Украины, начали расспрашивать: как вы живете, как ваши дела... И все величали вас «батыром». По-нашему это значит «богатырь».

— Ну, какой же я богатырь!.. Он действительно, не высок хотя, как говорят, ладно сложен. Да известно: шахтерская сила — не в росте и мускулах, а в умении, в мастерстве, в искусстве. Впрочем, еще в одном: в любви к негладкой, но слаженной профессии.

...Мы вспоминали этот разговор, сидя в партком шахты. Прошло несколько месяцев, а какие события произошли в жизни этого скромного человека! Николай Яковлевич был делегатом XXI съезда КПСС. Бригада Мамай первая в бассейне заслужила честь называться бригадой коммунистического труда. Дела шли так, что лучшего, кажется, и желать нельзя. И вот...

Однажды после смены Николай Яковлевич зашел в партком. Он был чем-то озабочен, и это сразу заметил парторг Турмаркин.

— Что случилось?
— Да нет, все в порядке. Именно потому я и зашел. Вот видите...

Он положил на стол газету «Правда». На первой странице был помещен портрет женщины из Вышнего Волочка — Валентины Гагановой.

Турмаркин вопросительно посмотрел на Мамай:
— Ты хочешь...
Мамай перебил:
— Да...

Они просмотрели список бригад. Хорошо дело шло у Токарева.

— Сюда?
Мамай утвердительно кивнул:
— Согласен.

Тут же Николай Яковлевич написал заявление с просьбой перевести его в самую отстающую бригаду. Собрание коммунистов шахты поддержало своего товарища. Поддержал его и Павел Токарев. Только попросил, чтобы его оставили в бригаде.

Два месяца работы не принесли улучшения. Лишь на третий месяц пришел первый успех. На доске показателей имя Мамай поднялось вверх, как груты в термометре, когда наступает тепло...

— А чем же это объяснить? — спросил я у Николая Яковлевича. — В чем сила?

В партком сходились коммунисты — начальники участков, бригадиры, забойщики. Тут должно было состояться короткое совещание, как на фронте перед боем. Николай Мамай — бывший старшина Советской Армии — обвел комнату рукой, сказал:

— Вот в чем сила.
Потом — отчеканив по словам — улыбнулся, а затем лицо его словно просветлело, и добавил:

— Коммунисты!

СЧАСТЬЕ

Машина выскочила на взгорье и остановилась. Перед нами лежала знакомая до боли долина...
В детстве я ходил сюда со своим школьным товарищем Иваном Коваленком. Наши отцы работали вместе на паровозостроительном заводе. И жили мы по соседству.

Летом, во время каникул, родители разрешили нам отправиться в далекое путешествие — за горизонт... Мы выехали

Собрание писателей-москвичей

Вчера, открывая отчетно-выборное собрание Московской писательской организации, председатель правления С. Цинцаев сказал, что за два года, прошедших со времени последнего отчетно-выборного собрания, — срок, казалось бы, и небольшой — советский народ сделал большой шаг к коммунизму: много поработали в эти годы и советские писатели. Они создали художественные произведения, без которых трудно представить нашу литературу.
Эту мысль С. Цинцаев развил в своем отчетном докладе, где наряду с конкретным анализом произведений последних лет, были подняты некоторые актуальные проблемы теории и практики социалистического реализма.
С отчетным докладом о работе правления и его президиума выступил А. Васильев; с докладом ревизионной комиссии — Г. Молтуховский.
По докладу развернулись прения.
Отчет о собрании будет дан в одном из ближайших номеров.

лая модельная с крестом на крыше и с вывеской у входа остается на дне моря. АМИНЫ!..

Мы возвратились в центр села вечером.

Председатель колхоза, которого хорошо знают и по-настоящему уважают односельчане, вел нас мимо новых, аккуратных домов по улицам своих родных Лесек. Он с нескрываемой гордостью показывал нам строительство завода комбинированных кормов, универсальный и гастрономический магазин, школу, баню с душевыми и ваннами. А там, где генеральный план села еще должен из чертежей превратиться в творение рук человеческих, Михайло Дмитриевич говорил:

— Старые люди рассказывали, что когда-то местный пан переименовал это село и назвал его Счастьем. Но хлеборобы, среди которых был и я, не согласились.

— Здесь будет дворец культуры...
— Здесь будет больница...
— А здесь будет стадион...

Обернувшись в сторону плавней, где в сумерках, едва заметное, будто замала, мигало окно шулежской хатки, председатель закончил:

— ...А здесь будет море!

КИЕВ

которых было больше всего Коваленко, как и раньше, называли село по-старому. Что за Счастье? Ведь счастье здесь было только для пана и его бездельной пань.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

На берегу реки — здание тепловой электростанции. Дымил огромные трубы, пуская в осеннее небо тучки — легкие и пестрые. Быстро тек Донец, и потому казалось, что степью слыла необычайной теплохотой.

Слева, недалеко от электроцентрали, лежал рабочий поселок. А где же она, знакомая нам с детства Коваленка? Мы спустились в долину и, проскочив бетонный мост через Донец, подъехали к огромному зданию станции, которая была нам показана еще больше. Она гудела в вадражении так, словно там, в ее крепком теле, билось могучее сердце.

На втором этаже — в зале, длинном и высоком, где тела турбин бастели в сиянии солнца, что текло сквозь широкие окна, нас встретила Лида Шевченко, девушка со светлыми, словно солнечными, волосами. Ее лицо так же сияло радостью, как все вокруг. А руки, молодые и нежные, властно управляли «колесницей», в которую были впряжены тысячи и тысячи лошадей...

Пытаюсь переключить гул турбин, а спросил:

— Давно вы здесь работаете?
— Давно! — и улыбнулась. — Окочула школу — и сюда!

— А где живете?
— В Счастье! — И рассмеялась.

— А как раньше называлось Счастье?
— спросил я, словно был здесь новичком. — Не знаю! Наверно, Горел!

Я поверил, что она не знает Коваленки, хотя и родилась в этом краю. Старого названия нет давно, как нет самого села. Есть Счастье — рабочий поселок, который вскоре станет городом. И живут здесь счастливые люди.

ЗДЕСЬ БУДЕТ...

— Сюда придет море!
Председатель колхоза «Дніпро» Кременчугского района Михайло Дмитриевич Олейник широко повел рукой, словно море, действительно, уже плескалось у ног.

А покамест перед нами лежали остатки приднепровского села Лесек. Б вьесе и это — до последнего камня — перенесут на взгорье, с которого сейчас нам было хорошо видны днепровские плавни.

Мы спустились в низину и пошли вдоль хат. Старые жилища... Они дожидались свой век — скоро бульдозер придет и содрет. И в искрених улыбках хозяев, и в их словах: «Перебираемся на гору!» чувствовалось, что они рады переселению.

На самой окраине, у леса, притаилась хатка. Внешне она была такая же, как и соседние. Но своеобразные украшения резко отличали ее от других. На ее крыше торчал крест, а у входа был врыт столб с перекаленной, что напоминала вывеску. На нем были подвешены колокола и колокольчики...

Здесь живет и действует дьяк Шулежко. В этой же хатке, по совести говоря, — церковная параша. Когда мы вошли во двор, из колокола, как из преспокойней, неожиданно вылезло какое-то грязное чудело. Не черт, сам дьяк...

На наш удивленный вопрос, чем объяснить его необычное «явление народу», — Шулежко начал жаловаться не столько на колодец, отказавший ему в воде, сколько на районную газету «Правда коммунизму». Как оказалось, накануне та напечатала о нем фельетон.

Дело в том, что усадьба Шулежко находится рядом с колхозной птицефермой, и дьяк не удержался от соблазна. Он крал кур, неосторожно попавших на его суверенную территорию...

Я не знаю, как закончилась эта история с курами. Но мне стало ясным другое, более важное.

Листово величая нас «начальникам», дьяк просил помочь ему в приобретении шифера.

— Для чего? — спросили мы.
— Буду строить новую хату.
— На горе?
— Да нет, в каком-то другом селе.
— Почему же в другом?
— Здесь почти не осталось заинтересованных в религии...

Он так и сказал: «Почти не осталось заинтересованных в религии». На своем собрании колхозники решили не давать дьяку участка на горе. В новых Лесках люди хотят и жить по-новому. Пусть гни-

Дед Мороз (Адензур): Если ты будешь пачкой, то со временем попадешь в бундесвер!

Рисунки художника Энгельса из западно-германской газеты «Ди андере цейтунг».

СЕГОДНЯ — 10 ЛЕТ СО ДНЯ
ПРОВЪЗГЛАШЕНИЯ ИНДИЙСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Кара СЕИТЛИЕВ

КАЛЬКУТТА

Достает волной море до Калькутты,
Кружева плетет и звенит о борту.
Не забуду я города Калькутты,
Где и день и ночь не смолкает порт.
Корабли гудят и скрежещут краны.
Гонят воли стада ветры-пастухи.
И взлетают вверх в ящиках бананы,
Шерсть и шелк плывут, связанные в тучки.

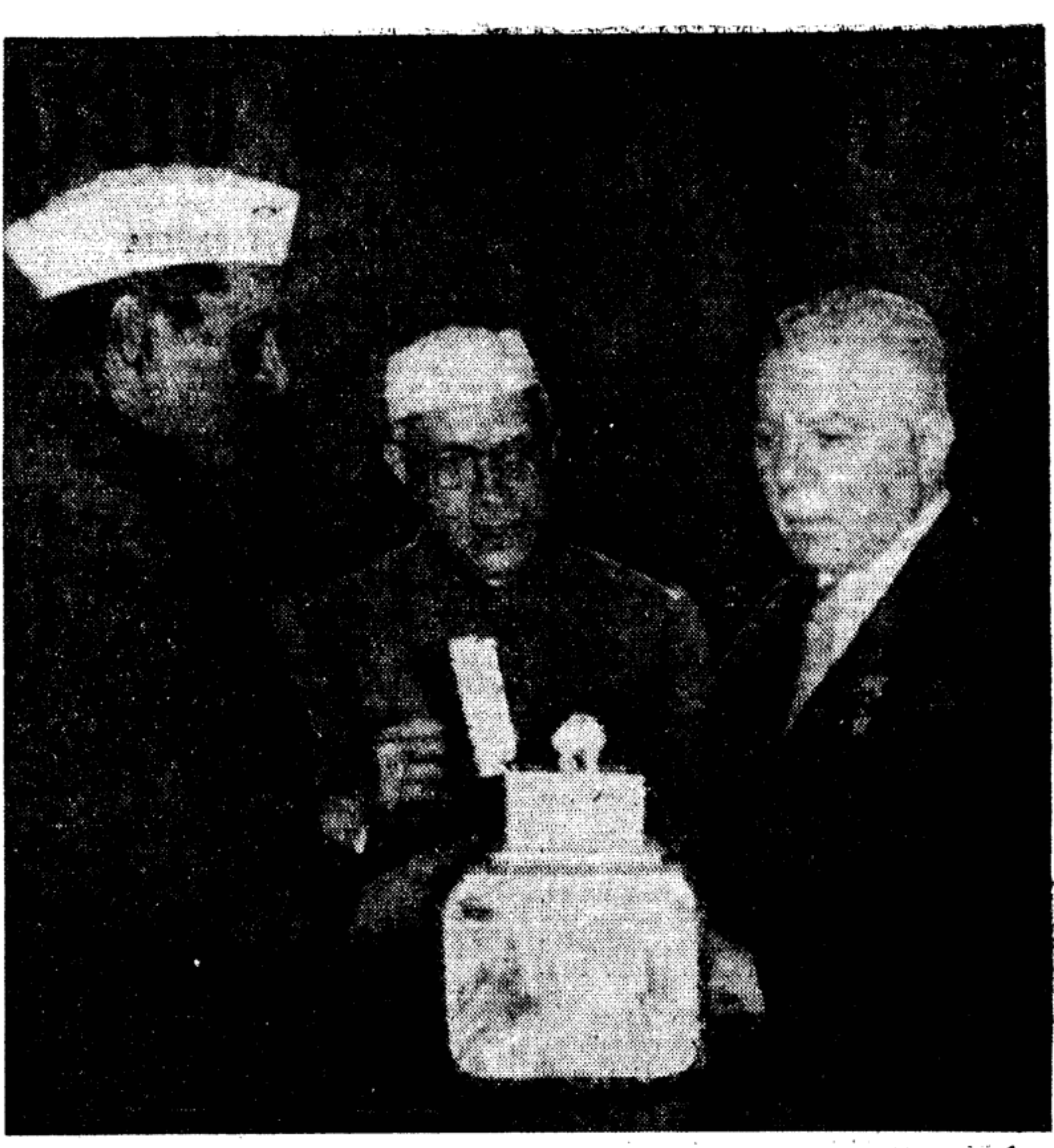
Грузчики идут.
Трудная работа!
Поступь тяжела и мокра спина.
Капельки текут,
Струйки,
Реки пото —
Может, от него солона волна...

В город выхожу
И встречаю скоро
Дом, который мне многое сказал,
Где любая падь след хранит Тагора,
(Кажется, дом пять, где Беоук-базар).
Кажется, он сам
Вышел мне навстречу —
Голову склонил, начал разговор
И повел меня, обхватив за плечи,
Гостю показать город свой Тагор.

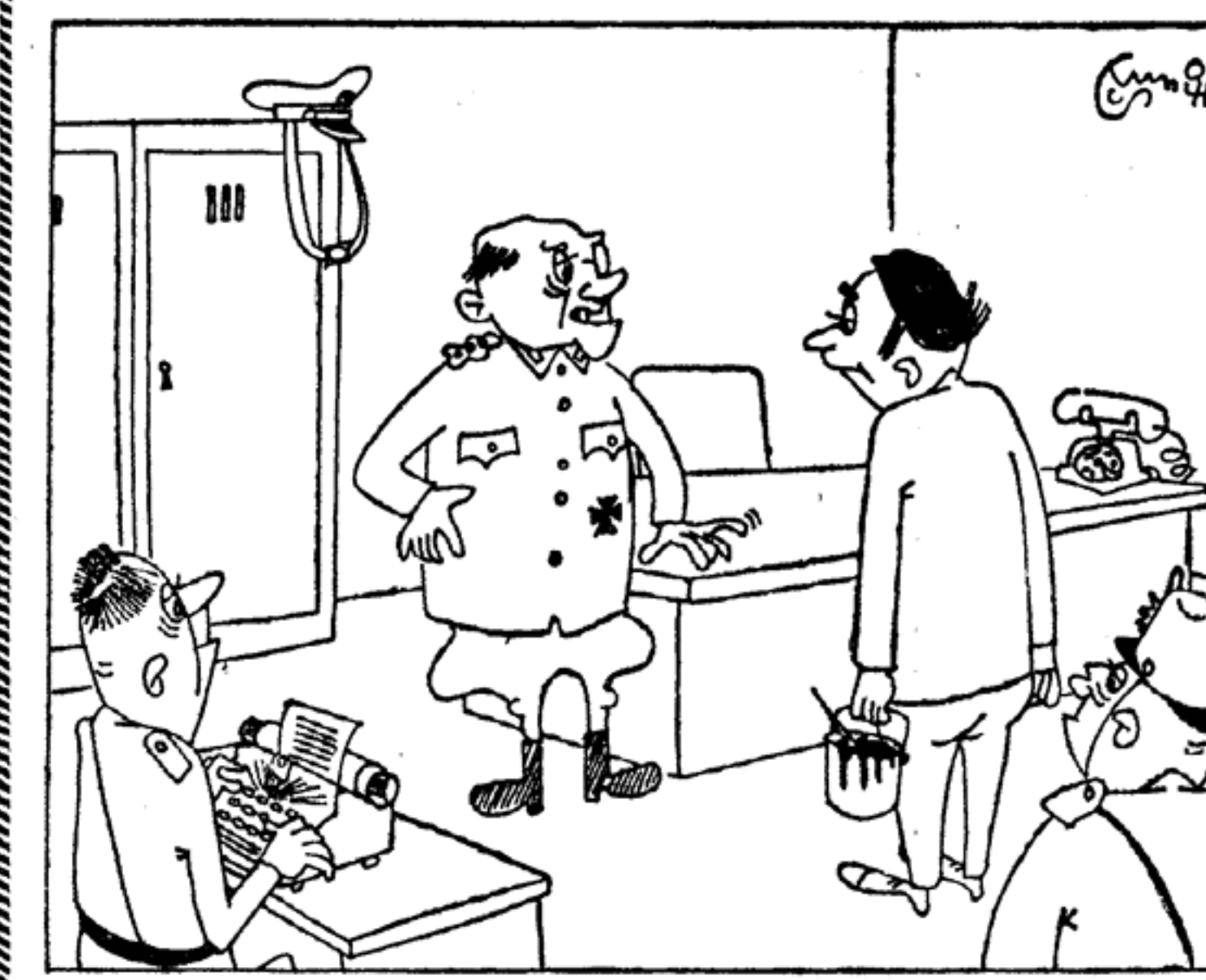
Прошагали мы улочкой,
Которой
Часто он гулял, в думы погружен.
На Беоук-базар вышли мы с Тагором,
Где торговцев крик,
Колокольцев звон,
Где цветут цветы шелка спозаранок,
Где горит парча нитью золотой,
И где на плече смуглой индианки
Высятся кувшины с чистою водой...

Мне теперь всегда кажется, как-будто
Я знаком с тобой с давних-давних пор.
Или сам тебя видел я, Калькутта,
Или мне тебя показал Тагор?..

Перевел с туркменского
Анисим Кронгауз

24 января в городской цитадели Дели — Красном Форте — состоялась торжественная церемония грандиозного приема в честь Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Ф. Ф. Кошлова.
На снимке: мэр Дели Тринкал Чанд вручает подарок К. Е. Ворошилову, в центре — премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.
Фото П. Кречнева

«Молодой, здоровый человек, антисемит, отец был эсэсовцем. Имя утром приносит мне бутылку и оставляет...»
Рисунки для «Литературной газеты» немецкого художника Эрика ШИММТА.

Американцы ненавидят свастику

ТОЛЬКО сейчас наш разносчик молока он каждое утро приносит мне бутылку и оставляет...
...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

...И вот я снова оказался здесь. Я восхищенно смотрел на долину, на Северный Донец, на лес в золотистом убранстве. Все это было и тогда... Но вместе с тем изменилось до неузнаваемости.

ПРЕГРАДИТЬ ПУТЬ ФАШИЗМУ!

Каждый день приносит тревожные вести из Западной Германии. Все более откровенными и наглыми становятся выступления фашистов и реваншистов. Поджигательские речи, призывы к новым походам звучат в разных концах западной части страны. То тут, то там на стенах домов возникает гнусный знак свастик. Как это могло случиться! Откуда взялась эта беззастенчивость, что открыло западногерманских милитаристов!

Прогрессивная общественность Запаदा считает, что политика возрождения германского милитаризма, проводившаяся в последние годы США и Англией, вооружение бундесвера атомным оружием сыграли роковую роль. Этому должен быть положен конец, иначе печальные уроки истории могут повториться!

Мы публикуем высказывания английского, американского, голландского, французского публицистов и рисунки немецкого художника для «Литературной газеты». В них ярко выражены настроения широких кругов населения западноевропейских стран.

НЬЮ-ЙОРК

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Париж

Позор

Тойн ДЕ ФРИЗ,
голландский публицист

3 ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ милитаристы подняли голову, они спешат вооружиться. Делается это открыто и — видит бог — за кулисами, как делал в свое время Гитлер. Сотни бывших нацистских офицеров, нацистских судей, нацистских промышленников снова занимают высокие посты и по старой привычке рычат на демократов. Федеративная Республика Германии, которую личком долларами, разбужает, как перекормленный ребенок. Теперь этот ребенок орет и требует оружия. Своих братьев по НАТО он хотел бы если и не задвить насмерть, то по крайней мере, так прижать, чтобы они отдавали ему, и без того обожравшемуся, вину свою.

«Дитя» нуждается вновь в жизненном пространстве (до Клайпеды), в господстве над Европой. «Дайте мне средства насилья!»

На бумер продолжат эту метафору. Бонские господа, поддержанные русскими промышленниками, хотят разрушить все препятствия, которые встречаются на их пути, все, что зовет к разуму, к расудительности, к простой логике человеческого существования. Нормальным жизненным климатом западных немцев, по их мнению, должен стать угар и дад военной конъюнктуры. Не дать людям времени опомниться, помешать им воспринять насилья до гуманности!

Мы знаем, что и в Западной Германии есть немцы, которые не подпадают под влияние этого конъюнктурного угара, бесчеловечного по своей сущности, а выступают за мир, безопасность народов, денацификацию. И эти люди, которых немало, единственные подлинно свободные граждане Федеративной Республики. Они следуют велениям своей совести. Мы преклоняемся перед такими людьми. Вышние нацисты возбудили в Дессельдорфе средневековый процесс против семи из этих мужественных людей. Штамком, убогим «тезисам» обвинителей прогвоздят четкие и убедительные аргументы обвиняемых. И как бы ни поступили с обвиняемыми, они уже сейчас победители. На их стороне правда, правда и симпатии всех народов.

«Охотой за ведьмами» не остановить великую идею мира. Такие идеи овладевают сознанием людей: они соответствуют подлинным внутренним и подлинным движениям нашего времени. Эти идеи способствуют прогрессу. И пусть на поверхности жизни Западной Германии мы видим милитаристский угар, вооружение, воинскую повинность, атомное безумие, — главное движение эпохи пробивает путь, воздвигая на здоровых духом, на сторонников разума, на устремленных в будущее, побуждая их действовать.

Поэтому последствия дессельдорфского процесса приведут к результатам, противоположным тем, которых добиваются «охотники за ведьмами». Допустим даже, что все семеро обвиняемых будут заточены в тюрьму. Что же будет этим достигнуто? Поднимутся сотни и тысячи новых борцов. И они не будут одиночками. Есть ведь не только Германская Демократическая Республика, где люди говорят на том же немецком языке, что и в Западной Германии. Во всем мире у западногерманских борцов за мир есть миллионы друзей и союзников, которые уже теперь являются как бы гарантами того, что западногерманский милитаризм, ненавистный всем народам, не сможет избежать уничтожения.

Запрет КПГ, преследования антифашистов и жертв нацизма, процессы против сторонников мира! Надо ли удивляться тому, что на фоне всего этого в Западной Германии возникли омерзительные явления антисемитизма, эксцессы бредового расизма? Ведь все это идет только из одного источника! Охота за коммунистами, антикоммунизм, преследования сторонников мира, травля евреев — все это семена, дающие побег только на насков прогнившей почве. Канцлер Конрад Адензур демогагически заявляет, что он уничтожит последователей фашизма. Что ж, пожалуйста! Пусть начнет с самого себя!

АМСТЕРДАМ

НЕТ — НАЦИЗМУ

М ИЛЛИОНЫ английчан взволнованы: знаки свастик на стенах синagog, цервей, общественных зданий напоминают им о страшных днях последней войны. О деятельности профнацистских организаций в Западной Германии пишут английские газеты различных политических направлений. И те, кто долгое время закрывал глаза на правду, признают теперь, что на руководящих постах в ФРГ находились бывшие нацисты.

В ресторане, где я бываю обычно, мне пришлось наблюдать за реакцией посетителей, когда по телевизору передавались кадры кинохроники — демонстрация лондонцев у здания посольства ФРГ. Во всю ширину экрана крупным планом колебались транспаранты с надписями: «Мы помним! Пидце, Берген-Бельзен, Бухенвальд» и «Адензур! Мир следит за вами!». Собравшиеся в зале выражали одобрение этим лозунгам. Один из присутствовавших с глубоким волнением сказал: «И людьми, которые ответственны за возрождение фашизма, дают в руки термоядерное оружие!»

Вспомнили и об Оберлендере, участнике массовых убийств в Польше, — теперь его пытаются спасти, ослепить Адензур; о другом боннском министре Зеббеме, мечтающем о Германии, протарианской от реки Мозель до Клайпеды. «Прямо как гитлеровцы!», заметил один из участников разговора.

Но англичан волнует и другое. Сумеют ли в Лондоне сделать выводы из происходящего, изменится ли английская политика в германском вопросе в решающие месяцы, оставшиеся до совещания глав правительств великих держав? Капитуляция Запада перед Адензуром света бы на нет меры по

смягчению международной напряженности. Англиское правительство вынуждено считаться с настроением общественности. Форменный бунт полновесных лейбористских депутатов в парламенте вынудил руководство партии осудить политику предоставления ядерного оружия бундесверу.

Страх перед Западной Германией, перед ее попытками захватить европейские рынки для своих товаров также влияет на английскую политику. Федерация британских промышленников — эта реальная сила, стоящая за спиной правящих кругов Англии, — заключила, как известно, торговое соглашение с ГДР. Деловые круги Англии стараются найти противовес общеевропейскому рынку, где наряду с Францией главенствует ФРГ.

Конечно, политика английских официальных кругов противоречива во многом. Но и в политической, и в экономической областях наступают изменения: все более широкие круги осознают, что германский милитаризм сейчас не меньше угроза для Англии, чем во времена Гитлера.

Важно уже то, что официальная британская пресса нарушила печать молчания и не пытается скрыть правду о Западной Германии.

Хотелось бы, чтобы в Англии наконец во всеуслышание сказали о том, что существует и другая Германия — Германская Демократическая Республика, верная принципам мира и международного обязательствам. Признание роли ГДР, ее борьбы за сохранение мира в Европе помогло бы многое изменить в политике Запада.

ЛОНДОН

Из книги «Стороны света»

Древнее, неразгаданное пространство
смотрит на землю
В темных глубинах
спутник сейчас прохладит
орбитой точной.
Чтоб взглянуть в беззвездные те высоты,
ни к чему ни двадцатый этаж,
Лунки зеленые, парящие в туманных сферах,
виден отчетливо
утром играют в шапки пенсионеры,
где возле булочной
пахнет горячей сдобой —
здесь, на земле этой будничной,
строгой и доброй...
А помню еще — за звездным его полетом
я наблюдал и в поле однажды
И был он так ясен
в поле, под черным небом,
в поле, где сладко пахло
печеным хлебом,
где подсыхало сено
в душистых копнах,
где отдыхали бабы
в цветастых кофтах.

Знаете, как отдыхает вино?
Сорок дней и ночей,
то бормочет оно, то вздыхает.
Винодел погруженное в сон,
и почти так
на дубовые бочки глядел,
и почитательно так
говорил винодел:
«Здесь вино отдыхает...
Тише, тише!
Здесь дремлет языческий бог.
Молодой и веселый
языческий бог
в тесной люльке дубовой вздыхает.
До чего ж ему крепко
намяли бока!
он в покое своих отдыхает.
Беспокойные сны его
сорок дней и ночей
он какие-то сны
непомятые видит.
Но однажды,
презрев этот сонный покой,
он о днице дубовое
двинул ногой
и на улицу выдлет.
У него все рубаха распахнута
огнем.
И высокая черная шапка на нем
из бараньего меха.
Как швырнет он на землю ее
сгоряча

и пойдет по дорогам бродить,
и шагает от смеха.
Присутная
и язычески шедрым дарам,
будут жирных баранов колоть
по дворам.
И под окнами, шуму надела,
он пройдет,
поднимая наשמляиво бровь,
ощущая, как бьется в нем
виноградарей и виноделов...
Но пока в погребках ему зреть —
в погребках,
где дощатый настил
виноградом пропах,
он лежит до поры, отдыхает.
Тише, тише!
Здесь дремлет языческий бог.
Молодой и веселый
языческий бог
в тесной люльке дубовой вздыхает.

Где-то в городе белом,
над белой рекой,
где белеет над крышами белыми
дым
и от белых деревьев бело, —
в этот час по ступеням,
как горы, крутым,

Проникатель и о с т ь ю.
Любовь к своему герою
не должна ослаблять
художника.
Роман «Брусков» стал
литературным событием
того времени. В героях
«Брусков» читатели
узнавали самих себя.
Перед ними раскрылась
сложная и противоречивая
душа крестьянина,
жаждущая перемен
и бившаяся их и, наконец,
познавшая «новую,
социалистическую радость».
Продолжения «Брусков»
ждали с большим нетерпением,
потому что каждая новая
книжка давала ответ на острый
вопрос и помогала находить
правильный путь.

РЕДАКТОРСКИЙ кабинет Панферова на улице «Правды» известен не только литераторам. В нем нередко можно застать посетителей, которые пришли к Федору Ивановичу не только как к писателю, но и как к своему депутату. Чаще всего здесь можно встретить колхозников. И это не случайно. Федор Иванович Панферов — писатель, одним из первых поднявший литературу в историю колхозной деревни. В 1928 году вышла первая книга «Брусков». Федор Иванович рассказывал о ее нелегкой судьбе. Когда он принес первую книгу в издательство, редактор расхвалил ее, а в заключение сказал: «Будем печатать, но только надо кое-что исправить». Это «кое-что» относилось к Кириллу Ждаринову — любимому герою писателя. Панферов с тревогой и болью наблюдал, как в жизни такие, как Ждаринов, ухватились за свои наделы земли и в них стал пробуждаться инстинкт стяжателя. Панферов беспощадно осудил это в своем герое. Редактор заявил, что такое отношение писателя к «культурно-индивидуальному» хозяйству противоречит политической линии. Он предложил Панферову выправить места, в которых компрометируется «культурный» хозяин.

Жилось мне в те времена трудно и голодно, — рассказывает Федор Иванович. — Семья была в деревне. Я не имел даже угла и спал в редакции на столе. Издание книги решало все: две недели правки — и появляются деньги, квартира, привезу семью... Я приехал в редакцию, схватился за перо и почувствовал... не могу! Не могу нарушить правды. Панферов не стал править рукописи. Если писатель хочет быть активным борцом за коммунизм, — продолжает Панферов, — он должен анализировать явления жизни и оценивать поступки своих героев с партийной точки зрения.

Неделя азербайджанской литературы в Узбекистане. Более полутора тысяч читателей — студентов и преподавателей вузов, рабочих и инженеров Ташкента — собралось в Театре оперы и балета имени Алишера Навои, где состоялось открытие Недели азербайджанской литературы в Узбекистане. Секретарь правления Союза писателей Узбекистана Хамид Гулям горячо приветствовал азербайджанских писателей Мехти Гусейна, Сулеймана Рустама, Мамада Рагима, Али Валиева, Османа Сарывелли и Габали Иманвердиева. Мехти Гусейн выразил горячую признательность писателям Узбекистана за хорошую инициативу, которая дает возможность установить деловую связь между писателями братских республик. На вечер с чтением стихов выступили поэты Азербайджана и Узбекистана. На другой день гости выехали в Самарканд. Они побывают также у хлопководов Андижана, посетят Нара-Налякскую АССР. ТАШКЕНТ. (Наш. корр.)

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

На чистую воду

Много лет назад существовала в буржуазной Эстонии особая отрасль коммерции — бульварная литература. Среди других подвизался в ней и Арнольд Сепп. Но вот весной 1940 года Эстония стала советской. Кончилось время буржуазных правителей и буржуазных дельцов. Разбужались и многочисленные прилебатели, «слушавшие» при былых господях. Некоторые — жить-то надо! — попытались «перестроиться». Арнольд Сепп начал было тоже судачничать в новых газетах, посядая на своих горючих «советских» убеждениях. Ему не очень то верили, и, как оказалось, не напрасно. Благополучно пережив гитлеровскую оккупацию, Сепп бежал из Эстонии перед приходом советских войск. Прошло некоторое время, — и он вынырнул в Канаде. В правых эмигрантских кругах и Сепп почитается ныне эмваститим писателем, — его роман получил специальную премию. Таланта за эти годы у Сеппа не прибавилось, и роман с полным правом можно обойти молчанием. Но есть там эстонское писателя Антса Саара влезать за перо и опубликовать недвояко в газете «Советская Эстония» статью «Послевоенные к одному предисловию».

Антс Саар, как и Сепп, вырос близ мелнички Кисти, в окрестностях Вильянди, ему хорошо известна деятельность «земляка-литератора». В предисловии Сеппа говорится о «гниющей красной ножи», которая якобы царит на эстонской земле. Гневно и убедительно разоблачает Саар эти клеветнические измышления. Известия родные места, Саар привез землякам книгу Сеппа. «И, верите ли, Арнольд Сепп, мы всецело посмеялись... — пишет Саар. — Вы, должно быть, помните... Яна Симона... Когда... речь шла о «гниющей ножи», старик стал серьезным: — Знаешь что, скажи-ка им или напиши туда, в Америку, в Канаду, чтобы не болтали ерунду и что если им вздумается сюда приехать (хоть никто их и не ждет), то они не узнают Кисти». О возрожденном Кести, о новом строительстве, о новых предприятиях, новых счастливых людях рассказывает Саар. Факты, только подлинны факты... Да, но известно, что правда — вещь упрямая, и, конечно, не под силу тягаться с нею даже такому «изобретательному» господину, как Арнольд Сепп.

Индия и индийцы

Набережная в Бенаресе

НОВЫЕ СТИХИ

как его пролетевшие годы,
крутым,
поднимается он тяжело,
крутым,
Он в передней привычно снимает пальто,
и никто не встречает его,
и никто не делит его вечером.
Здесь когда-то его обнимала жена,
и теперь обнимает его
тишина
этих белых, как снег, вечером.
А из двери — железная ручка звонка,
и железные буквы над ручкой звонка
полукругом: «Прошу повернуть!»
А друзьям недосуд — не звонят, не стучат,
и весь вечер железные буквы кричат:
повернуть! повернуть! повернуть!
Надо срочно по улицам белым
бежать,
поскорее заставить звенеть,
дрезбежать
позабывая друзьями звонки.
Пробивайся сквозь белую вязку,
звонки!
Разве можно, чтоб был человек одинок,
хоть один человек — одинок!

Проникатель и о с т ь ю.
Любовь к своему герою
не должна ослаблять
художника.
Роман «Брусков» стал
литературным событием
того времени. В героях
«Брусков» читатели
узнавали самих себя.
Перед ними раскрылась
сложная и противоречивая
душа крестьянина,
жаждущая перемен
и бившаяся их и, наконец,
познавшая «новую,
социалистическую радость».
Продолжения «Брусков»
ждали с большим нетерпением,
потому что каждая новая
книжка давала ответ на острый
вопрос и помогала находить
правильный путь.

РЕДАКТОРСКИЙ кабинет Панферова на улице «Правды» известен не только литераторам. В нем нередко можно застать посетителей, которые пришли к Федору Ивановичу не только как к писателю, но и как к своему депутату. Чаще всего здесь можно встретить колхозников. И это не случайно. Федор Иванович Панферов — писатель, одним из первых поднявший литературу в историю колхозной деревни. В 1928 году вышла первая книга «Брусков». Федор Иванович рассказывал о ее нелегкой судьбе. Когда он принес первую книгу в издательство, редактор расхвалил ее, а в заключение сказал: «Будем печатать, но только надо кое-что исправить». Это «кое-что» относилось к Кириллу Ждаринову — любимому герою писателя. Панферов с тревогой и болью наблюдал, как в жизни такие, как Ждаринов, ухватились за свои наделы земли и в них стал пробуждаться инстинкт стяжателя. Панферов беспощадно осудил это в своем герое. Редактор заявил, что такое отношение писателя к «культурно-индивидуальному» хозяйству противоречит политической линии. Он предложил Панферову выправить места, в которых компрометируется «культурный» хозяин.

Жилось мне в те времена трудно и голодно, — рассказывает Федор Иванович. — Семья была в деревне. Я не имел даже угла и спал в редакции на столе. Издание книги решало все: две недели правки — и появляются деньги, квартира, привезу семью... Я приехал в редакцию, схватился за перо и почувствовал... не могу! Не могу нарушить правды. Панферов не стал править рукописи. Если писатель хочет быть активным борцом за коммунизм, — продолжает Панферов, — он должен анализировать явления жизни и оценивать поступки своих героев с партийной точки зрения.

Неделя азербайджанской литературы в Узбекистане. Более полутора тысяч читателей — студентов и преподавателей вузов, рабочих и инженеров Ташкента — собралось в Театре оперы и балета имени Алишера Навои, где состоялось открытие Недели азербайджанской литературы в Узбекистане. Секретарь правления Союза писателей Узбекистана Хамид Гулям горячо приветствовал азербайджанских писателей Мехти Гусейна, Сулеймана Рустама, Мамада Рагима, Али Валиева, Османа Сарывелли и Габали Иманвердиева. Мехти Гусейн выразил горячую признательность писателям Узбекистана за хорошую инициативу, которая дает возможность установить деловую связь между писателями братских республик. На вечер с чтением стихов выступили поэты Азербайджана и Узбекистана. На другой день гости выехали в Самарканд. Они побывают также у хлопководов Андижана, посетят Нара-Налякскую АССР. ТАШКЕНТ. (Наш. корр.)

Индия и индийцы. Набережная в Бенаресе. Фотографии и описания мест в Индии.

ПИСАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

ПРИМЕР ДЛЯ НАС

ЖИВЯ постоянно в Таганроге, я с волнением наблюдаю, как свято чтят таганрожцы память своего великого земляка Антона Павловича Чехова. Особенно это чувствуется сейчас, в дни празднования столетия со дня рождения писателя. Пожалуй, нет здесь человека, который в той или иной форме не принял бы участия в подготовке к этой знаменательной дате. Одной из таких форм жизни Таганрога избрало пополнение городской библиотеки имени А. П. Чехова книгами из личных библиотек. Книжки шлют коллективы заводов, фабрик и учреждений, бригады коммунистического труда, октябрят, пионеры, пенсионеры. Ведь это та самая библиотека, которую Антон Павлович неустанно пополнял как своим произведением, так и книгами других авторов. Какой пример для всех нас! Я общаюсь с моим товарищем по перу, писателем и журналистом, а также комсомольцем, имеющим печатные труды с призывом направить в ознаменование столетия со дня рождения Антона Павловича Чехова книги своего сочинения с дарственной надписью в Таганрогскую библиотеку.

Пусть общегородская библиотека на родине А. П. Чехова по своим книжным фондам будет достойна имени великого писателя, которого любит и почитает вся страна, все прогрессивное человечество. И. ВАСИЛЕНКО

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ
ВЕРНОСТЬ
СОВРЕМЕННОСТИ

Почти каждый литературный герой Панферова имеет прообраз. Знатная рязанская дорянка Коврова, которую называют «матерью рязанских долбров», пришла в роман «Раздумье» такой, какой увидел ее писатель в жизни. В записных книжках писателя множество набросков, коротких зарисовок. Еще больше встреч и наблюдений Федор Иванович хранит в памяти. Интерес писателя к жизни многообразен. Панферова можно встретить и на заводе, и на нефтепромысле, и в студенческих аудиториях. Но излюбленной, и навсегда своей Панферов считает тему колхозной деревни. Героями своей теме, живая связь с верностью своих книг помогают писателю правильно решать острые проблемы современности. На читательской конференции в Брестской области, на которой обсуждался роман «Раздумье», выступавшие колхозники гордились, что по этой книге можно учиться, как надо руководить хозяйством. Пристальное внимание писателя привлекают партийные руководители. Творческий интерес к ним для Панферова не случаен. — Уже в кабинете секретаря райкома, из разговора с ним можно представить, как ведется хозяйство, как живут люди. Ошибки случаются редко: красная сразу видно, как видно птицу по ее полету. Лично мне почти не приходилось ошибаться, — сказал Федор Иванович. — Нет работы более беспокойной, невероятной трудной и благородной, чем партийная работа, — продолжал он. — Она требует огромных и всесторонних знаний, умения подойти к человеку с самым сложным характером. Партийный работник должен обладать ясным умом, большой душой, умением заечь людей. Писать о партийном руководителе очень трудно. По этому меня подчас огорчает легкость, с которой некоторые писатели относятся к созданию образа партийного руководителя. Мне это стоило большого труда. Насколько интересен и удачен образ секретаря обкома Морева, судить не мне...

Как писатель и публицист Панферов неизменно сохраняет верность острым общественно-политическим проблемам современности. Статьей Федора Ивановича, опубликованной в журнале «Октябрь», № 2 за 1959 год, началась дискуссия о моральном облике советского человека. И в этом году, в первой книжке публицистов и читателей его дискуссионная статья «Что такое коммунизм?» Панферов не может представить себя за работой над произведением, в котором бы не решались задачи сегодняшнего дня. — Полагаться только на тему, какой бы интересной она ни была, — значит заранее обречь себя на неудачу, — говорит Панферов. — Писатель обязан своим напряжением творческих сил искать предельно выразительную форму для осуществления своего художественного замысла. А редактор, решающий судьбу книги, не должен позволять

гипнотизировать себя остротой темы. Разговор коснулся творческих планов писателя. Новый роман, над которым сейчас работает писатель, посвящен тому как общественный строй влияет на формирование человеческих характеров, на жизнь и судьбы людей. Действие произведения происходит в Англии и Советском Союзе. Роман явится своеобразным продолжением «Раздумья». Большое место в нем отводится молодому поколению. Писатель очень много времени проводит среди молодежи. Часто эти встречи сопровождаются горячими спорами, в которых писатель проясняет некоторые положения будущего романа. В общем разговоре о судьбах молодого поколения Федор Иванович подробно остановился на работе молодых писателей. — Переждо говорят, что раннее печатание портит молодого писателя. При этом ссылаются на авторитет Флора Момассана. — сказал Федор Иванович. — Слов нет, опыт поучителен. Но есть и другой пример: из маленьких рассказов Антонио Чехите вырос великий писатель Антон Павлович Чехов. Решая судьбу первых произведений молодого писателя, надо иметь в виду главное: характер дарования автора его творческие возможности. Редакторский опыт подсказывает мне, что рецензент в работе с молодыми писателями не и не может быть. Первоочередное — очень сильное средство писательского воспитания, и пользоваться им надо очень осторожно и вдумчиво. У журналиста есть актив молодых писателей, в талантах которых я верю. Это В. Очеретин, А. Андреев, Ю. Казанов и др. Все обо всем нашем театре, о его судьбе. И думаю с радостью и большой надеждой! В спектакле «Друг мой, Колька!» есть еще одна интересная особенность: в нем, наряду со студийцами, заняты ведущие актеры театра. Такой симбиоз грозит нарушением единства актерской манеры игры, целостности спектакля. Но этого не случилось. Актеры старшего поколения играют в той же чистой и искренней манере, что и студийцы, а студийцы играют так же строго и просто, как их учителя. Нужно было, например, проявить много вкуса и так-

НЕСКОЛЬКО дней тому назад я видел в Центральном детском театре п е к т а к л ь «Друг мой, Колька!» и до сих пор помню не покидающее чувство радости. Вот этой радостью мне сейчас и хочется поделиться. Спектакль «Друг мой, Колька!» необычайный: в нем почти все — дебютанты, начиная с автора пьесы А. Хмелика. Не так часто мы являемся свидетелями подобных дебютов, а ждем их упорно и с нетерпением. Я не оракул, не знаю, что напишет А. Хмелик в дальнейшем, но этой своей пьесой он убеждает в том, что знает жизнь, думает о ней, умеет ее преобразовать в пьесу, наделенную ясным и горячим гражданским темпераментом. Пафос пьесы направлен на утверждение в нашей школе и пионерской организации принципов творческого воспитания детей, автор высмеивает сухое, равнодушное отношение к этому важнейшему и прекрасному делу, которое еще проявляется со стороны иных воспитателей.

Но Хмелик — дебютант, так сказать, номер один. На афише значится, что «Друг мой, Колька!» — спектакль драматической студии Центрального детского театра. В этом тоже есть элемент удивительного. Вот в чем дело: студия была создана всего только один год и два месяца тому назад, и вдруг, пожалуй, она вытесняет все представленные на сцене одного из лучших театров страны. Как это ответственно и как волнующе! Ведь надо не забывать, что артиле никогда не дела, окончил ли артист высшее учебное заведение или только что пришел из самодеятельности, — ему необходимо одно: чтоб актер, раз он вышел на сцену, играл хорошо. Для меня мерилочкой актерской игры всегда является чужой измененная Станиславским лунинская формула: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предлагаемых обстоятельствах...» И надо сказать, что подавляющее большинство юных дебютантов выдерживает этот строгий и трудный экзамен. Я не думаю, что в данном случае обманываюсь обаянием молодости, которое часто с легкой компенсацией отсутствия мастерства, но является — увы! — недолговечным. Мне кажется, что в этом спектакле уже проявляется результат точности и плодотворности устремлений педагогов студии и озабоченности каждого из ее учеников. Манера игры студийцев едина, но индивидуальность каждого выражена четко, и ни один артист не похож на другого — каждый создает свой, особый, на редкость жизненный образ, будь то Колька — Г. Сайфуллин, Мама — И. Гуляев, Юра — В. Лануев, Федя — И. Фомин, Клава — В. Анисимова, Костик — Б. Захаров, Валерий — В. Ованесов, Исаев — А. Поляков, Пимен — М. Логвинов. Об этом приходится писать тоже как о явлении отрядном, потому что слишком часто театральные школы выпускают одинаковых, одноликих актеров. Когда же я смотрел спектакль «Друг мой, Колька!», мне показалось, что из этих студийцев могут появиться в недалеком будущем новые интересные актеры советского театра. Может быть, театральные преподаватели упренят меня в том, что я поступаю крайне непедagogично, так хвалю юных исполнителей. Но что поделяюсь, если они мне очень понравились, что все эти лица я думаю о них, да не только о них, да обо всем нашем театре, о его судьбе. И думаю с радостью и большой надеждой!

В спектакле «Друг мой, Колька!» есть еще одна интересная особенность: в нем, наряду со студийцами, заняты ведущие актеры театра. Такой симбиоз грозит нарушением единства актерской манеры игры, целостности спектакля. Но этого не случилось. Актеры старшего поколения играют в той же чистой и искренней манере, что и студийцы, а студийцы играют так же строго и просто, как их учителя. Нужно было, например, проявить много вкуса и так-

Спектакль готовил режиссер А. Эфрос. Я хорошо знаю работы Эфроса уже порядочное число лет и всегда считал его интересным и своеобразным режиссером-постановщиком, к тому же подозревал, что в нем кроются недюжинные педагогические способности. И это оказалось действительно так. Но было бы несправедливо говорить об Эфросе только как о педагоге. Для режиссерской пьесы Хмелика ни найдена острая, необычная форма. Такие эпизоды, как начало и финал спектакля, приход на сбор отряда Анны Николаевны, сделаны с настоящей душевной (а не голодной) выдумкой. А, скажем, сцена, когда с главного героя Кольки на Совете дружины, несправедливо исключенного его из пионеров, снимают красный галстук, а в это время где-то, за стеной бьет пионерский барабан, является настоящей творческой находкой. В последнее время на нашем театре определились два, если можно так назвать, режиссерских направления: одно, думая, что продолжает линию МХАТа, заботится о скрупулезной правдивости, ставя серые, бескрасные спектакли, другое, борясь с этой правдивостью, ударяется в ложную романтику, патетику, становится на ходули. И только по-настоящему талантливым режиссерам удается создать высокопоэтические спектакли. К счастью, их становится все больше и больше. Спектакль «Друг мой, Колька!» принадлежит, на мой взгляд, к числу таких удивительных работ режиссуры.

«Друг мой, Колька!» рассчитан на детей среднего школьного возраста, то есть примерно на 12—14-летних мальчиков и девочек. Но по своим темпам, то как реагируют в зрительном зале взрослые, которым удалось попасть на спектакль, и вы убедитесь, что возрастные рамки здесь чисто условные. Это происходит всегда, когда в спектакле есть самое главное, что не зависит ни от какого возраста, — есть темперамент, страсть, мысль, форма, есть настоящее искусство.

РАССКАЗЫВАЕТ ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТОР...

...На экране сменяли друг друга кадры: планировка города-спутника; новая планировка строительства на Черемушкинском шоссе; новый жилой квартал в Хересмушкском архитектурном ансамбле на Ленинских горах; Иосиф Игнатьевич Лоевко — главный архитектор Москвы — рассказывает писателям в их клубе о грандиозном строительстве, которое ведется в столице, о том, как она необыкновенно похорошеет к концу семидесяти. Больше двух часов длилось это интересное собеседие. Но тема, конечно, осталась неисчерпанной. Писатель долго еще не отпустил своего гостя, буквально засыпая его вопросами: как будет сокращено расстояние от Москвы до аэродрома? Что делается для очищения городского воздуха от вредных паров бензина и нефти? Когда начнется строительство гаражей для частных автомашин? Что будет на месте нынешнего ипподрома? Как идет строительство нового кинотеатра на Пушкинской площади? На эти и многие другие вопросы участники встречи получали исчерпывающие ответы.

РЕПОРТАЖ ИЗ ТАГАНРОГА

даватель Таганрогского педагогического института А. Сарычев с докладом «Чехов и Лу Синь». Мы — в здании Литературного музея А. П. Чехова, воздвигнутом на том самом месте, где прежде стояла городская библиотека, в которой любил бывать Чеховым. Экспозиция музея, подготовленная к 100-летию юбилею, по-новому, более глубоко и всесторонне овещает жизнь и деятельность своего земляка. В музей приходит много писем с просьбами поделиться оригинальными материалами и документами о Чехове. В частности, доктор Василь Бакарджиев из Софии интересуется деятельностью Чехова как врача. Псковский театр, первым в Советском Союзе поставивший «Платонова» Чехова, просит прислать материалы о постановке чеховских пьес в Таганроге. Драматический театр имени Чехова — один из старейших в России — в дни юбилея покажет четыре пьесы: «Дядя Ваня», «Чайка», «Иванов» и «Вишневый сад». Юбилейные сборники выпускают литературный и краеведческий музеи, педагогический институт, в котором, кроме того, состоится научная сессия и студенческая конференция. В клубах, дворах культуры организуются городские конкурсы чтений произведений Чехова и выставки картин художников Дона. Школьники проведут общегородской конкурс на лучшее сочинение о Чехове. Мы в гимназии, где учился Чехов. Сейчас — это школа его имени. Светлые, уютные классы, столовая, гимна-

ВЫЗОВ ЭПОХИ

«НЕТ оснований говорить о «блефе»... Этот тяжкий вздох одной из видных буржуазных газет Австрии убедительно показывает растерянность журналистов Запада перед лицом неумолимой логики доклада Н. С. Хрущева о сокращении Вооруженных Сил СССР».

Бруно ФРЕЙ, австрийский писатель

И в самом деле, о каком «блефе» может идти речь, если мы знаем, что показателем роста мощи Советского Союза куда выше, чем аналогичные американские цифры, и что тем не менее СССР последовательно проводит политику мира? В таких обстоятельствах начинает мыслить даже тот, кто уклонялся до сих пор от этого неприятного занятия.

Слова и дела Советского Союза — не блеф, а неумолимая действительность. Эта истина становится постепенно общепризнанной, как бы горька она ни была для некоторых сторонников «холодной войны».

Мне трудно избавиться от известной доли сочувствия к людям, чья профессия требует защиты политики, явно потерявшей всякий смысл. Более десяти лет находились они в обороне, выслушивая заявления о «вызове со стороны Востока». Вопли о минимой «угрозе с Востока» имели магическую силу, позволяющую запускать на всю мощь военные заводы. Однако теперь, к ужасу всему, западные политики обнаружили, что подлинный вызов с Востока имеет куда более опасный характер: он принуждает к разоружению!

На Западе до тошноты повторяли: пусть Советский Союз «докажет» свое миролюбие делами. Добровольно и односторонне сокращение вооруженных сил на одну треть — безусловно, настоящее дело. Никто не может отрицать, что оно направлено к миру. Попа в трудное положение, апологеты прежнего курса пускаются на различные увертки. Одна из них, например, сводится к утверждению, что Советский Союз проводит вовсе не разоружение, а «переворужение».

Чтобы выдвинуть подобное утверждение, вовсе не требовалось большого напряжения ума. Ведь значительная часть своего доклада советский премьер-министр посвятил именно рости обороноспособности Советского Союза. Люди, сохранявшие в плу пропагандистского сражения способность правильно оценивать обстановку, безусловно, вслушиваются в слова Хрущева, когда он говорит: «Мы идем на сокращение наших вооруженных сил потому, что не хотим войны, потому что нападать ни на кого не собираемся, не желаем никому угрожать и не имеем никаких захватнических целей».

Не трудно понять, что раздвинувшие армий, военные базы на чужих территориях предпочитают для надежды. А Советский Союз не имеет опорных пунктов, скажем, на берегах Мексиканского залива, он не загромождает своих границ островецкой волею Аргентины. А то, что страна социализма намерена использовать самое современное оружие для своей обороны, так это может показаться «вызовом» только тому, кто вынашивает недобрые планы.

Как же следует понимать слова американского сенатора-демократа Джонсона, когда он утверждает, что «Хрущев протыкает оливковую ветвь и в то же время бьет нас по голове»? В ответ на меланхолическую тираду сенатора можно лишь спросить: чего вы, собственно, хотите? Когда русские вооружаются — это «вызов». Когда они разоружаются — это тоже «вызов». Впрочем, ответ ясен: чтобы «критики» успокоились, Советский Союз... не должен оставаться Советским Союзом.

Уверенность Хрущева — это не психологическое явление, а ясное выражение изменившегося соотношения сил в мире. Каждый наш современник, разумно оценивающий обстановку, понимает: Советский Союз разоружается не потому, что слаб, а потому, что могуч. А еще потому, что он видит свою цель в сохранении мира.

Горько на сессии Верховного Совета СССР обратил внимание на бесцельные переговоры о разоружении в ООН (660 заседаний и ни одного демобилизованного солдата). Невольно вспоминаются дебаты о разоружении в покойной Аиге Наций. Когда Максим Литвинев заявил в подготовительной комиссии Женевской конференции по разоружению, что единственный путь к разоружению — это разоружение, делегаты

потерли дар речи так же, как и некоторые нынешние газетчики. Английский представитель лорд Кашендан запальчиво спрашивал тогда: «Какие «скрытые мотивы» могли внушить Советскому правительству мысль выдвинуть предложение о всеобщем разоружении?»

Тогда Советский Союз был одинок, его экономика еще отставала от Запада. Теперь положение иное. Советский Союз стоит во главе мощного социалистического лагеря, его политика мира пользуется поддержкой и симпатией все большего числа государств и абсолютного большинства людей. Он стал могучей экономической державой. Поэтому то он не ожидает, пока будет подписано международное соглашение, а разоружается.

Здравый смысл простых людей берет верх над софизмами скептиков по профессии. Перспектива мира без оружия воодушевляет наших современников, независимо от их политических симпатий. Это подлинный вызов со стороны Востока — вызов к сознанию всех людей. Президент Академии наук СССР Несмежов призвал объединить работы советских, американских и английских ученых над управляемыми термоядерными реакциями. Это открыло бы перед человечеством неисчерпаемые источники энергии.

Все это возможно, но только при одном условии — полном разоружении.

Это, конечно, вызов, и идет он со стороны Востока. Этот вызов не позволяет ответить оружием войны, он требует согласия на мирное соревнование. А каковы перспективы этого соревнования? Уолтер Липман предрек однажды: «Если духовная позиция американской нации не изменится, то Хрущев выиграет это соревнование», за что одна влиятельная западногерманская газета назвала его «профессиональным пессимистом а ля фен де сёкель» (конца века). Западногерманский бундесканцлер, без сомнения, представляет собой в отличие от Липмана, законченный образец «оптимиста». Таким же «оптимистом» всегда считал себя Гитлер... С трибуны Верховного Совета Н. С. Хрущев призвал весь мир начать гонку разоружений. И это — вызов. Вызов всей нашей эпохи.

ВЕНА, 25 января. (По телефону).

Т. СИКОРСКАЯ, С. БОЛОТИН

Оружием песни

22 января 1960 года исполнилось 60 лет замечательному немецкому революционному певцу, выдающемуся актеру, верному другу советского народа — Эрнсту Бушу. Человек легендарной биографии, Эрнст Буш свою сознательную жизнь посвятил беззаветной борьбе за коммунизм, оружием боевого революционного искусства. Сын кильского штурмана, начавший трудовую жизнь подручным сапера на судостроительных заводах, Буш был первым и любимым звукооператором на молодежных демонстрациях. Став актером, он вскоре сближается с революционными поэтами и композиторами Брехтом, Вайнертом, Эдслером и начинает свои выступления в рабочих клубах, на подмостках рабочих кафе. В его репертуаре — острые, злые сатирические песни, направленные против фашизма.

После захвата гитлеровцами власти в Германии Буш уходит в подполье, затем эмигрирует. Когда началась гражданская война в Испании, Буш вступил в ряды славной 11 Интернациональной бригады. Он вдохновлял своими песнями солдат свободы, собирав и издавал революционные песни. После разгрома фашистскими полицаями испанского Народно-фронта Буш искал убежище в Бельгии, Голландии и Франции. Вильямские предатели бросили его в заключительный морской лагерь на острове Гюйсбуш, совершивший смелый побег, подпрыгнул под колючую проволоку в глубине моря. Но уже на самой границе фашистские стражи узнают его, и революционный певец оказывается в гитлеровской тюрьме Моабит. Фашистский суд готовил Бушу смер-

ЭРНСТУ БУШУ

Песня, что в застенках не убита, выйдя, взвесь к солнцу, торжеству! Из глухих подвалов Моабита вышел к нам навстречу Эрнст Буш. Песни Буша! Родился в борьбе вы — свозь пожар, объявляй горизонт, песню смелых — «Левой! Левой! Левой!» слово стгг, понес Единый фронт, Старый друг, рабочий заповедь! Ты нам пел наперек судье. Эта песня с нами побывала на фронтах, в синтанях и в борьбе.

ный приговор «за распространение коммунизма в Европе с помощью песен». Но после прямого попадания авиабомбы в тюрьму, когда торжественная решетка, обрушившаяся на голову Буша, изуродовала его лицо, у фашистских палачей родилась мысль об уточнении места: они заменили артисту смертную казнь пожизненным одиночным заключением, чтобы Буш мог постоянно видеть в окошке зеркала, во что превратился... Весной 1945 года советские солдаты освободили Бушу, врач помог ему почти полностью избавиться от последствий наказания. Буш снова на сцене, он опять поднимает свой знаменитый, гибкий, сверкающий, как стальной клинок, волос против войны, за мир, свободу и братство простых людей на всей земле! И сегодня талант Буша, создающего вместе со своим старым товарищем Гансом Эдслером новые циклы песен, — в полном расцвете.

Нынче всходы нового посева покрывают мирные края, в щель и в поле — «Левой! Левой! Левой!» там идет Германия твою! Ты шагал бесстрашно и упрямо, боевой прокладывая курс и в горах горящих Геддараума, и в сырых баржах Камп-де-Гюрс. Старый друг! Живут твои напевы, в смелом сердце пламенеет не угас — будешь петь ты — «Левой! Левой! Левой!» для того, кто борется сейчас!

Чудесный зонтик

А. БЕЛКИН

ЕСТЬ НЕМАЛО работ, посвященных художественному мастерству классиков. И почти в каждой из них говорится о значении художественной детали. Читая их, начинаешь думать, что искусство художественной детали состоит в ее яркости, эмоциональности, выразительности, красочности, точности, свежести, меткости.

Но ведь дело не только в том, чтобы установить, что у Л. Толстого необычайное искусство художественной детали, и у Достоевского, и у Горького. Художественная манера писателя определяется всем его мышлением — что он видит в мире и как он его видит, его мировоззрением, его идеями. То же относится и к художественной детали.

Вдумываясь в своеобразие художественной детали у Чехова, я почувствовал, что следует говорить о принципиально новой, специфической именно для Чехова художественной детали, отличающей ее функцию от функции художественной детали у других писателей.

Деталь есть частность, подробность. Но не всякая подробность становится художественной деталью. Чтобы понять, что данная подробность является именно художественной деталью, нужно воспринять этот элемент художественного произведения непременно в контексте.

Сравнивая восторг и вдохновение, Пушкин писал: «Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей в их отношении к целому». Художник должен, если можно так выразиться, не только чувствовать частное, но и чувствовать целое.

По нескольким анонимным художественным деталям при наличии «художественного слуха» можно установить, что этот художник, какова его художественная манера, то именно так располагает части по отношению к целому.

Как видит мир Чехов? Что открывается нам в его художественной детали? У Чехова неоднократно встречается такая мелочь бытового обихода, как зонтик. Зонтик в рассказе «Человек в футляре» стал нарицательным образом. Учитель Беликов без зонтика — неполо. Пальто, застегнутое на все пуговицы, галоси и зонтик даже в сухую погоду воплощают характер Беликова, его осторожность, замкнутость, страх перед всем новым. Деталь избрана не

об искусстве ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ У ЧЕХОВА

неудержимо, отдаваясь опять сладкому восторгу, какой он испытал вчера ночью, сидя под зонтиком. «Прощу вас, подariate мне его. Я сохранил на память о вас... о нашем знакомстве. Он такой чудесный!»

«Возьмите, — сказала она и покраснела. — Но чудесного ничего в нем нет».

Однако зонтик действительно является чудесным, в отличие от того, что думала о нем Юлия Сергеевна. Чудесным является не только превращение его из случайной подробности в художественную деталь, но и превращение этой художественной детали, раскрывающей сентиментально-психологические чувства героя, в такую деталь, которая наполняется впоследствии значительно более глубоким, сложным содержанием.

После того как Лаптев женился на Юлии Сергеевне и прожили они три года, зонтик ни разу не появляется в повести. И лишь в самом конце он возникает вновь. Лаптев понял, что эти годы прожиты были не так, как надо. С грустью говорит он жене: счастья «не было никогда у меня, и должно быть, его не бывает вовсе. Впрочем, раз в жизни я был счастлив, когда сидел ночью под твоим зонтиком. Поминишь, как-то у сестры Нины ты забыла свой зонтик? — спросил он, обернувшись к жене. — Я тогда был влюблен в тебя и, помню, всю ночь просидел под этим зонтиком и испытывал блаженное состояние». Вслед за этой фразой нам и открывается многозначность чеховской художественной детали.

Далее в повести читаем: «В кабинете около шкафов с книгами стоял комод из красного дерева с бронзой, в котором Лаптев хранил разные ненужные вещи, в том числе зонтик. Он достал его и подал жене. — Вот он. Юлиа минуту смотрела на зонтик, узиала и грустно улыбнулась. — Помню, — сказала она. — Когда ты объяснял мне в любви, то держал его в руках, — и, заметив, что он собирает уходить, она сказала: «Если можно, пожалуйста, возвращайся пораньше. Без тебя мне скучно». И потом она ушла к себе в комнату и долго смотрела на зонтик».

Зонтик приобретает новую специфическую чеховскую функцию. Вначале зонтик был той бытовой вещью, благодаря которой можно было обнаружить

сентиментально-психологическое состояние влюбленного героя. Это было только раскрыто Чеховым. Но это все же не была специфически чеховская художественная деталь. Она была вполне уместна в этой роли и у Тургенева, и у Гончарова. И кону повести «Три года» зонтик воспринимается как своеобразный поэтический символ счастья. Когда Лаптев утерял ощущение счастья, то и зонтик хранился в комод в числе ненужных вещей. Когда, как это можно догадаться в конце повести, Юлия через три года начинала переживать влюбленность к своему мужу, который тот никак не мог добиться ранее, вновь появляется зонтик. Для него он «старый знакомый», ей он открывался чем-то новым, чудесным: «Без тебя мне скучно... потом... долго смотрела на зонтик».

Таким образом, этот зонтик выполняет иную роль, чем в «Человеке в футляре». Там зонтик нужен для того, чтобы передать характер человека, здесь — для того, чтобы передать эволюцию человеческих чувств. Там зонтик выполняет тогелевскую, сатирическую функцию. Здесь через зонтик передается лирическое восприятие жизни.

Вот что может сделать великий художник с обыденной, ничем не примечательной вещью! Чехов увидел в нем сатиру и лирику, человеческий характер и поэзию душевной жизни. Именно «зонтик», условно говоря, являются специфическими художественными деталями для Чехова. Помимо него мыслить сравнение. Для того чтобы вскрыть коллизию, характеры, отношения людей в романе «Идиот», Достоевский использовал пачку в сто тысяч рублей, которую бросает в камин, — это, конечно, нечто необыкновенное. Таков же и тот фальшивый купон, который движет действие одноименной повести Л. Толстого и влетает за собой преступление и подлость. Стотысячная пачка денег и фальшивый купон — это трагедийные, патетические художественные детали, поданные крупным планом. Их значительности вполне соответствует значительности характеров, трагических конфликтов. Другой вариант можно обнаружить у Тургенева. Изображая любовь, он будет аккомпанировать это чувство опозитивированными художественными деталями — запахом цветов, лучами солнца, зеленым травой. Но мы не найдем у него бытовой, обыденной детали.

Известно по воспоминаниям Короленко о том, как Чехов однажды сказал о пельмени: «Хотите завтра будет рассказ... Заглавие «Пельмени».

Обычно это воспринимается, как доказательство того, что Чехову достаточно любой повод, чтобы сделать рассказ. Эта чеховская шуточная фраза, однако, имеет более глубокий смысл. Дело не только в том, что любая мелочь, которая попадает на глаза художнику, обогащает его фантазию. Суть именно в целивании. Достоевский, например, мало пельмени. Но если на этой пельмени останутся капли крови, тогда это становится темой для Достоевского. У Чехова же, наоборот, — заурядная пельменная, в которую бросают окурки и стряхивают пепел, может служить материалом для новеллы — лирической, психологической, философской. Пельменная и зонтик, тарелка крыжовника (в «Крыжовнике»), порция осетрины (в «Даме с собачкой»), деревянный портсигарик (в «Горе») и сабля почталова (в «Почте») — эти мелочи житейского обихода художник преображает в тончайшую поэзию.

Возьмем пример из «Скрипки Ротшильда». Яков Матвейч был обыкновенным гробовщиком. Какая художественная деталь постоянно сопровождает Якова Матвейча? Она связана с его профессией. Он «делал гробы хорошие, прочные. Для мужчин и мешал он делал их на свой рост и ни разу не ошибся... Для благодарных же и для женщин делал по мерке... Занавы на детские гробы принимал очень неохотно и делал их прямо без мерки, с презрением...». Деловитость эта возбуждает у читателей чувство трагического — по контрасту. Чем расчуживей об этом говорит, тем острее возникает ощущение несоответствия формы и содержания, ужас обыденного взгляда на необычные явления.

Постепенно Чехов заставляет нас почувствовать переход от обыденному взгляду на вещи и, в сущности, неестественного, ненормального — к исклчительному, трагедийному восприятию и, в сущности, естественному, подлинно человеческому. Происходит это, когда Якову надо делать гроб своей старухе-жене. Тогда эта деталь становится такой, которая совсем по-иному вскрывает взаимоотношения частей в его отношении к целому. Дело в том,

что когда человек умирал не в своем городе, Яков воспринимал это как личный удар для себя убыток. Чем дороже мог быть этот не сделанный им гроб, тем больший убыток. Если же человек умирал во время праздника, когда работать нельзя было, это тоже приносило убыток. Когда Яков решил, что завтра Марфа умрет, он подумал, что завтра Иоанна Богослова, послезавтра — Николая Чудотворца, потом будет воскресенье, потом — понедельник, тяжелый день, значит, четыре дня нельзя будет работать. А наверное, Марфа умрет в какой-нибудь из этих дней. Значит, надо сделать гроб сегодня, потому что потом будет поздно. Он взял свой железный аршин и снял с еще живой старухи мерку. Чеховское своеобразие проявилось в тоне, суровом в своей обыденности, с которым передаются эти расчеты и думы Якова. Горь и радость воспринимаются через понятия убытка и прибыли. Обыкновенное в своей обыкновенности становится трагическим.

Заурядное, обыденное, житейское дело — делание гробов — превращается в образ общечеловеческого масштаба. «Изда потом домой, он соорудил, что от смерти будет одна только польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могиле не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку — убыток, а от смерти — польза... странный порядок...»

Чехов достиг здесь глубины трагедии. Но в какую обыденную форму это обыденно, как непосредственно наивно передан этот инстинкт! Вспомним известное высказывание Чехова: «Требуют, чтобы были герой или героиня, сценически эффективны. Но ведь в жизни не каждую минуту стреляются, вешаются и объясняются в любви... Люди обещают, только обещают, а в это время слагаются их счастье и разбиваются их жизни».

Как бы сохраняя обыденный уровень мышления и психологию маленького человека, Чехов сумел искусно группировать художественные детали, вызывать в читателя мысли глубокого философского и высокого гуманистического содержания.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ГЕОРГЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

Дорога около Мадраса

Индия и индийцы

то не могли и мечтать о таких широких встречах писателей всех национальностей литературы Индии. Рядом со старейшим тамильским литератором Джидишом, ванадом С. Фаминатом Шармой и К. В. Дьяганатханом в зале находились тамильские писатели младшего поколения: вранки Анхилан — автор романа «Волны сердца», новеллисты В. С. Рамайан, А. Ранганатхан.

На конференции мы, члены советской делегации, встретили и наших старых знакомых: пенджабского новеллиста Санта Сингха Секхона, прогрессивного литератора Шивдана Сингха Чаухана, автора «Истории современной литературы хинди». Литературу хинди представляли также Амритара, сын классика индийской литературы Премчанда, и литераторов и прозаики Чатурсен Шастри, Узаа, что в Советском Союзе еще мало знакомы с его произведениями, Шастри привел нас в выставочный книжный зал и предложил принять подарок: все его книги, которые экспонировались на специальном стенде, а их там было не менее пятидесяти. Одним из участников конференции был и наш друг Тхакажи Шиллан, недавний гость III съезда советских писателей. Он еще сравнительно молод, но уже создал около 800 рассказов и 12 романов. Сейчас он работает над большим произведением о судьбах интеллигенции штата Керала. Среди писателей литературы телугу были видные поэты Шри Шри, Анхри Свами Шива Шанкар, долгие годы томившийся в тюрьме Дарис Чепнах — автор известного антиимпериалистического романа «Я и моя родина». Литературу урду представлял профессор университета в Ланку Эхтишам Хуссейн, ассамскую — писатель Нилмани Фукар, литературу каннада — В. Ситарамая, К. Гопал Кришна Рао.

И не удивительно, что рассказ Б. Полевого на конференции о том, как успешно и плодотворно развиваются национальные литературы в единой семье многонациональной советской литературы, был выслушан с большим интересом и вниманием всеми присутствовавшими.

Конференцию приветствовали гости из разных стран: советская делегация подчеркнула огромный интерес наших читателей к индийской литературе — одному из источников ознакомления с жизнью индийского народа. Гаща делегация в составе Б. Полевого, Берды Кербашева и автора этих строк преподнесла конференции произведения индийских писателей в переводе на русский и туркменский языки.

Много внимания конференция уделила вопросу о состоянии и задачах современной индийской литературы. Писатели рассказали о последних достижениях своих литераторов, о трудностях, которые в настоящее время приходится им преодолевать. Одной из главных проблем, по мнению многих, по-прежнему остается слабая связь между писателями различных национальностей литературы; недостаточно еще переводов с одних языков на другие. Прогрессивным писателям приходится преодолевать шовинистические настроения, препятствующие объединению всех литераторов Индии.

Немало полезных выступлений и дискуссий было проведено на семинарах между пленарными заседаниями. Наиболее интересными из них, на наш взгляд, были: «Индийская традиция и современный писатель», «Современные тенденции в индийской литературе» и «Искусство перевода». Об огромной роли перевода как единственного средства широко и полно представить культуру и литературу всей многонациональной Индии, говорил старейший поэт-переводчик С. Д. С. Погар, переводчик с языка урду на тамиль Хасрат Сувардди. Он отметил большую работу, которая ведется у нас по переводу произведений литературы урду на русский язык.

Как древнеиндийская литературная традиция обогащает творчество современных писателей? Как традиционные формы наполняются новым содержанием? Таковы были вопросы, обсуждавшиеся на семинаре «Индийская традиция и современный писатель». Здесь говорили о том, что большое значение, которое и поныне имеют в современной индийской литературе традиционные образы и художественные средства, о том, как постепенно с развитием общественной мысли и эстетических взглядов совершенствуются форма и стиль художественных произведений. Некоторые из докладчиков, например тамильский писатель Д. Л. Кауль, выступили против узкого толкования термина «индийская традиция», который отдельные литературные деятели ограничивают понятием классической санскритской литературы. Кауль считает, что под индийской традицией следует понимать все лучшее культурное наследие прошлого, оплодотворяющее и стимулирующее рост и процветание современной литературы.

Третья конференция писателей Индии показала, насколько окрепли силы демократии и прогресса во всех национальных литературах Индии. И вместе с тем она ярко продемонстрировала, что, как сказал один из выступавших на конференции, «новое поколение писателей современной Индии смело идет вперед с гордостью за великое прошлое, с верой в настоящее и с надеждой на будущее».

Е. ЧЕЛЫШЕВ